

— Разумѣется, да! О, si tu savais!.. мы поцѣловались съ маман, и она взяла съ меня слово, что я буду съ тобою строгъ, но справедливъ!

Онъ шутить и велъ подъ руку дѣвушку, у которой такъ же внезапно прошелъ страхъ, какъ и явился. Она любила Гранковскаго. Хорошо идти рядомъ съ нимъ и не таить своего чувства! Хорошо быть невѣстой!

Онъ сталъ рассказывать, какъ просилъ онъ ея руки у маман и что маман при этомъ говорила. Оттянувъ нижнюю губу, онъ сдѣлалъ гримасу, которую дѣлаетъ маман, когда бываетъ расстрогана.

— Перестань, Одея!—сказала дѣвушка и слегка толкнула его.—Маман...

— Раиса, дитя мое!—взволнованнымъ голосомъ начала Варвара Тихоновна, приближаясь къ нимъ. — Ужъ онъ тебѣ передалъ, конечно? Пойди сюда! Тяжело мнѣ... Охъ, видитъ Богъ, тяжело мнѣ разставаться съ тобою! Вѣдь я любила тебя, какъ родную дочь, я воспитала тебя! Федоръ Игнатьичъ, голубчикъ, смотрите, жалѣйте мою дѣвочку, берегите! Такой другой не найдете. Она у меня какъ рѣдкій цвѣтокъ!

Полная дама взяла падчериду обѣими руками за голову и нѣжно поцѣловала въ лобъ.

— Не бойтесь, Варвара Тихоновна! Раису Николаевну я посажу подъ стеклянный колпакъ...

— Вѣчно шутите—никто не подумаетъ, что вы солидный человекъ!—ласково замѣтила Варвара Тихоновна.

Потомъ она стала удивляться, какъ это скоро и незамѣтно для посторонняго глаза влюбились другъ въ друга молодые люди. Она увѣрила, что для нея эта любовь была совершенною неожиданностью.

— Да и для всѣхъ знакомыхъ будетъ удивительно,—сказала она, хитро прищуривая глаза. — Кто могъ бы подумать! Воображаю, что заговорить Никодимъ Павловичъ!

— Маман, слѣдовало бы до поры до времени помолчать...—начала Раиса.

— Конечно, конечно! Только вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь... Правда и то, спѣшить незачѣмъ.

Она вопросительно взглянула на жениха.

— Какъ вы полагаете? Неужто раньше осени?

— Боже мой! Я хоть сейчасъ подъ вѣнецъ!—проговорилъ онъ и счастливыми глазами посмотрѣлъ на невѣсту.

— Нравится тебѣ, что онъ такой шалунъ?—спросила Вар-